

Как известно, российское государство объявило борьбу с бедностью одним из приоритетов своей внутренней политики. В связи с этим было бы логично указать на то, что символические значения бедности и богатства могут и должны учитываться при выработке стратегии действий государства в этой сфере.

Во многих обществах распространен взгляд на бедность как на проявление зла и несправедливости, с которыми необходимо бороться. В российском обществе бедность пока не рассматривается в качестве социального врага. К сожалению, таково отношение скорее к богатству, а не к бедности. Поэтому, прежде чем выработать и приступить к реализации соответствующих реформ и мероприятий, важно направить усилия гражданского общества и государства на создание общественного мнения, благоприятствующего преодолению бедности — объявлению ее "вне закона" и повышению престижа материального достатка. Тем самым будет заранее определена мировоззренческая база, с позиций которой государство и общество станут вести борьбу с бедностью, не забывая использовать стимулирующий к активному экономическому поведению фактор представлений о богатстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. М., 2006, С.188.
2. Россия — новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2004. С.15.

What people in various social groups understand under cliches: "poverty" and "richness", what features are typical for the poor, and the affluent, how acute is the fear of poverty. The author analyses public opinion data on this most serious problem of modern Russian society.

Н.П. Попов НОСТАЛЬГИЯ ПО ВЕЛИЧИЮ. РОССИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Чем дальше уходит в историю событие пятнадцатилетней давности — распад СССР и создание на его месте зыбкого объединения СНГ, тем менее определенными становятся оценки населением этих событий, представления о будущем постсоветского пространства и тем больше различаются взгляды по этому поводу жителей бывших советских республик. Это показывают опросы общественного мнения, которые проводятся дважды в год в России, Белоруссии, Казахстане и Украине в рамках совместного исследования "Евразийский монитор".

Был ли Союз обречен

Нынешние взгляды населения по очень многим вопросам определяются отношением народа к Советскому Союзу и его распаду в 1991 г. Эти взгляды не про-

ПОПОВ Николай Петрович — доктор исторических наук, директор по международным исследованиям ВЦИОМ.

сты по своей структуре и зачастую изменчивы; они включают в себя и оценки ушедшей системы — политической и экономической, и образа жизни людей и их материального благосостояния в то время, и взаимоотношения представителей разных национальностей, и собственно распада СССР — евразийского колосса, одной из двух сверхдержав. Отвечая на вопрос: "Сожалеете ли Вы или нет о распаде СССР?", каждый думает о чем-то своем, связанном с советской действительностью.

Положительные и отрицательные оценки распада СССР колебались все эти 15 лет в зависимости от событий внутренней и международной жизни. Тем не менее одна тенденция, безусловно, прослеживается: старшие поколения больше сожалеют о распаде страны, чем молодые. Кроме того, все меньше молодых людей вообще интересуются прошлым, в том числе советским, и для многих распад СССР — такая же седая история, как революция 1917 года. Соответственно, почти пятая часть россиян — в основном младше 25 лет — затрудняются давать какие-либо оценки ликвидации СССР. А 10% респондентов в России вообще не знают о том, что 15 лет назад распался СССР и образовалось Содружество Независимых Государств. В Белоруссии таких 7%, на Украине — 19%.

Две оценки соседствуют в массовых рассуждениях на рассматриваемую тему — был ли распад неизбежен, или его можно было предотвратить, и хорошо или плохо, что Союза не стало. Анализ причин этого события представляет собой сложную аналитическую задачу, по которой и у экспертов существуют самые разные, зачастую противоположные мнения, и споры на эту тему далеки от завершения. Тем более сложно высказать оценки рядовому гражданину. В 90-е годы в два раза больше людей верили, что распад СССР можно было предотвратить, чем считали распад неизбежным. Однако постепенно соотношение стало меняться: снижалось число жителей страны, которые полагали, что распада можно было избежать, и росла численность тех, кто был уверен, что Союз был обречен, "нереформируем" и его распад был неизбежен. Так, по данным РОМИР-мониторинг, в декабре 2003 г. 38% считали распад неизбежным, а 56% верили в возможность его предотвращения. По данным ВЦИОМ, в октябре 2005 г. соотношение составляло 34% и 57%, а в октябре 2006 г. — 41% и 47%. Сходные соотношения пессимистов и оптимистов и в соседних республиках. В Белоруссии — 44% и 44%, на Украине — 37% и 46%. Во всех республиках водораздел проходит по возрасту 40–45 лет: среди младших когорт преобладает мнение, что Союз был обречен, среди старших — что его можно было спасти.

Эти оценки в большей мере основаны на ностальгии по ушедшей эпохе, чем на анализе экономических и политических реалий того времени: люди, которые с грустью вспоминают ушедшую советскую жизнь, склонны полагать, что Союз можно было спасти, и наоборот. В целом, все прошедшие 15 лет большинство населения России и других бывших республик сожалели о распаде страны. Негативное отношение к возможному разъединению Союза проявилось еще на референдуме весной 1991 г. При всем неоднозначном толковании вопроса референдума основной вывод все же можно было сделать — большинство выступало за сохранение Союза в "улучшенном", обновленном виде. Большинство населения постсоветских республик сожалело о распаде страны и в 90-е годы, хотя мотивы при этом у различных групп были разными.

За последние пять лет сожаление по поводу распада Союза стабильно высказывали примерно две трети населения России: 65% в конце 2002 г. и 64% — в конце 2003 г. (по данным РОМИР-мониторинг); одобряли — 17% и 16%; относи-

лись безразлично — 18% и 17%. По данным ВЦИОМ, 66% сожалели о распаде в 2005 г. и 68% в октябре 2006 г., соответственно, 23% и 24% не сожалели. 59% опрошенных сожалеют о распаде Союза и 30% не сожалеют на Украине, 52% и 36% — в Белоруссии.

По данным компании "Башкирова и партнеры", в 2006 г. в Киргизии сожалели о распаде Союза 78%, в Таджикистане — 62%, Казахстане — 54%.

Истоки ностальгии

В отношении к Союзу и его распаду можно выделить четыре основных составляющих, приводящих людей к положительной или негативной оценкам. Резонно было бы предположить, что идеологический мотив будет очень сильным, — после семи десятилетий воспитания в духе преданности идеям социализма–коммунизма распад этой системы будет трагически или, во всяком случае, с сожалением воспринят большинством населения. Однако результаты опросов показывают, что уже с середины 90-х годов половина респондентов выступала за продолжение рыночных реформ при условии социальной защиты населения и лишь четверть предпочла бы вернуться к социализму. Пик этой точки зрения — "возврат к социализму" пришелся на 1999 г., когда КПРФ успешно выступила на выборах в Думу. В декабре, накануне выборов, хотели бы вернуться к социализму 25% населения. С тех пор число сторонников социализма незначительно снижается, оставаясь на уровне 20–22%. По данным опроса ВЦИОМ в октябре 2005 г., из тех, кто сожалеет о распаде СССР, лишь 23% назвали в качестве основной причины то, что "были утрачены завоевания социализма".

Важной составляющей сожаления по утраченному Союзу могла бы быть ностальгия по разрушенному содружеству народов страны, тому, что в советской терминологии именовалось "новая историческая общность людей — советский народ". Хотя эта общность действительно существовала в умах значительной части населения, особенно старших поколений, для многих, особенно представителей молодых, она в значительной мере была пропагандистским клише, а не констатацией сложившейся реальности. Большинство жителей России полагают, что бывших граждан СССР сейчас мало что связывает. Эти настроения проявились, в частности, в связи с указом президента о содействии добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом. Выяснилось, что в стране нет единого понимания, кого считать соотечественниками. По данным ВЦИОМ, лишь треть взрослого населения России считает таковыми "всех граждан бывшего СССР". Меньше всего разделяющих эту точку зрения — 24% в группе от 25 до 34 лет, но и среди тех, кто "родом из Союза" — в возрасте 60 лет и старше, — их тоже меньше половины. Иными словами, для шести из десяти нынешних граждан России общего прошлого как бы и не было — с глаз долой, из сердца вон. Так что распад союза народов "республик свободных" важным фактором, вызывающим сожаление по СССР, для большинства россиян не стал.

Еще одно обстоятельство нередко приводится жителями России как объяснение их ностальгии по распавшемуся Союзу — советские социальные программы, социалистическая экономическая система, не дававшая людям опускаться в нищету, поддерживавшая общий терпимый жизненный уровень. Примерно та же четверть населения, в основном пожилого возраста, которая хотела бы возврата в социализм, сожалеет о распаде Союза по этим экономическим соображениям. В опросах они отвечают, что до рыночных реформ они сами и большинство

населения жили лучше. Кроме того, Советский Союз является для них обществом с гораздо более высоким уровнем социальной справедливости и защищенности, чем нынешнее.

Вероятно, наиболее сильным мотивом, вызывающим у жителей России чувства сожаления по распавшемуся Союзу, является ностальгия по величию страны, ее экономической и военной мощи. Такие настроения распространены как среди старших поколений, заставших Советский Союз, так и среди молодежи. Этот новый патриотизм, поощряемый политической элитой и средствами массовой информации, продолжает поддерживать на плаву высокую степень сожаления по поводу распада СССР. По данным опроса ВЦИОМ в декабре 2005 г., 74% выразивших сожаление по поводу распада СССР называют в качестве главной причины то, что "было разрушено великое государство". Этому мнению придерживаются 79% сторонников ЛДПР, 78% — "Единой России", 74% — "Родины" и 62% — КПРФ.

Патриотическая составляющая видна и в оценках различных суждений об СССР. Так, 76% респондентов разделяют точку зрения, что "с крахом СССР было разрушено то, во что верили многие люди и чем гордились", и лишь 15% полагают, что "во всей семидесятилетней истории СССР найдется мало того, чем мы, граждане России, действительно могли бы гордиться". Свыше двух третей жителей страны с гордостью вспоминают полеты Чкалова, создание атомного оружия, запуск первого спутника и полет Гагарина.

Во времена СССР многие жители союзных республик испытывали гордость за мощь и международное влияние страны, считая себя полноправными гражданами сверхдержавы. Однако основным носителем великодержавной имперской психологии был российский народ, что поддерживалось официальной пропагандой, подчеркивавшей преемственность советских экономических и военных успехов и традиций по отношению к российским победам и достижениям прошлого. Поэтому, когда Советский Союз распался и Россия сжалась в размерах и потеряла значительную часть былой мощи и авторитета, это больнее всего ударило по "национальной гордости великороссов".

Все полтора десятилетия реформ российское население испытывало психологическую травму по поводу потери величия и международного влияния своей страны — будь то СССР или Россия. Это приниженное положение выражалось в тягостном для массового сознания положении просителя международных займов, гуманитарной помощи, ухода наших войск из Германии, распада социалистического лагеря и дрейфа бывших восточноевропейских союзников в сторону Запада, Евросоюза и НАТО. В массовых представлениях утвердилось мнение, что "с Россией в мире перестали считаться". В 90-е годы чувство утраты национального величия заслонялось беспокойством по поводу бедственного положения в экономике, занимавшем первые места в рейтинге наиболее острых проблем общества. Но постепенно, с выравниванием экономического положения и роста жизненного уровня, озабоченность международным статусом России стала фигурировать в общественном мнении как важная часть проблем страны.

Российский комплекс утраты былого величия имеет сложный характер, он включает в себя как "самопроизвольный" распад СССР, так и поражение от США в "холодной войне". Снижение опасности военной конфронтации и экономия от приостановки гонки вооружений — это хорошо, но потеря статуса супердержавы — удар по национальной гордости, который переживается до сих пор, может быть, сильнее, чем добровольный "развод" в "советской семье". Поражение в во-

енном соревновании, даже если это и была бескровная война, совпавшее по времени с распадом империи, произвело по национальному самосознанию россиян мощный шоковый удар.

Специфика подобных взглядов состоит в их глубинном, не всегда заметном характере. В отличие от каждодневных забот и трудностей, таких как рост цен, безработица или преступность, "потеря величия страны" не называется респондентами в качестве главных беспокоящих их проблем. Однако эти настроения беспокоят постоянно, как фантомная боль, влияют на формирование различных взглядов и эмоций, касающихся отношений с другими странами, роли России в мире во время международных конфликтов и т.п.

Люди по-прежнему испытывают недоверие к США и их союзникам по НАТО, считая, что американцы стремятся нас унизить, уменьшить престиж России, проникнуть в "наш двор", завоевать плацдармы и влияние в "нашей" зоне влияния — на постсоветском пространстве. Европейские страны не считают нас настоящими европейцами. В сознании россиян сейчас распространены представления о том, что России не оказывают должного уважения, что США и ЕС используют по отношению к РФ двойные стандарты в международных отношениях, применяют дискриминационные меры в мировой торговле, в том числе препятствуя вступлению в ВТО. Страна в обороне. Если и не во "враждебном окружении", как это трактовала пропаганда в 30-е годы, то в недружелюбном.

Мы не единственный народ, который испытывал "пораженческий" синдром или моральную травму от потери имперского статуса. "Вьетнамский синдром" в США — моральный ущерб от поражения во вьетнамской войне долгие годы повлиял над оценками американцев ситуации в мире и роли в нем США. Великобритания страдала от потери империи все послевоенные годы. Для этого синдрома характерно подспудное желание реванша, компенсации за поражение империи. В Америке был всплеск реваншистских, джингоистских настроений во время военной операции в Гранаде, когда военная мощь вернула Соединенным Штатам контроль над маленькой островной страной при массовой поддержке и ликования населения под лозунгом "Америка перестала извиняться за Вьетнам". Сегоднешние антииранские настроения в США подпитываются воспоминаниями о позорном провале операции по освобождению заложников в американском посольстве в Тегеране во время президентства Дж. Картера. Ностальгия по британскому могуществу вышла на поверхность во время похода британского флота для освобождения Фолклендских островов, возвращенных Аргентиной в свое владение, что сопровождалось массовой поддержкой и ликованием населения Соединенного Королевства.

Аналогичные эмоции периодически испытывают и наши соотечественники. Любое проявление российской решимости и силы за границей встречается с энтузиазмом. Так было во время марш-броска наших военных в Косово, опередивших натовские части. Демарши по поводу военных акций НАТО в Югославии встречали массовое одобрение населения не только потому, что речь шла о поддержке братских славянских народов, но и потому, что Россия демонстрировала свою независимую политику и силу.

В значительной мере имперские настроения выявились и во время последних конфликтов на постсоветском пространстве. Все противоречия с Молдавией, Грузией, Украиной и Белоруссией, так же как и периодически возникающие споры с прибалтийскими республиками, сопровождались поддержкой российского общественного мнения не только в связи с представлениями о правоте российской позиции, но и в силу общего настроения: наши "младшие братья" ведут себя

неуважительно к "старшему брату", надо их поставить на место. Настроения утраченного статуса "великой державы" служат основой большинства реакций общественного мнения на отношения с соседями и дальними партнерами и будут еще долго определять массовое сознание россиян.

Как вернуть величие

Каковы представления жителей России о желаемом и реальном будущем страны? Можно ли вернуть ее былое величие? Ответы на эти вопросы во многом зависят как от экономической и политической ситуации в стране, так и от внешних событий. Здесь прослеживаются две тенденции: с одной стороны, за последние 6–7 лет Россия стала гораздо сильнее и влиятельнее; с другой стороны, народ по-прежнему очень беден и проблемы нарастают. Мы сильные, но бедные — как выйти из этого противоречия? Каково наше место в мире — ближе ли мы к восстановлению былого величия, или все больше откатываемся на вторые и третьи позиции? От этого зависит "синдром великой державы", который для российского населения не менее важен, чем хлеб и масло.

В народе усиливаются высокие оценки своей страны и ее достижений в науке, технике, экономике. Успехи, связанные с добычей нефти и газа, питают представления о ведущей роли России в снабжении остального мира топливом, энергией. Отчасти росту таких настроений способствовали шаги по введению мировых цен на нефть и газ для Грузии, Украины и Белоруссии. Многим нравится не только прагматический подход к торговле с бывшими друзьями, но и демонстрация политических мускулов.

Люди испытывают определенную эйфорию, но вместе с тем осознают, что по многим показателям нам еще далеко до Запада. Взгляды рядовых граждан относительно реальной мощи страны, темпов экономического роста влияют на формирование других взглядов — в области международных приоритетов, отношений с ведущими мировыми партнерами и бывшими советскими республиками.

В России на протяжении столетий сформировалось устойчивое представление — временами становящееся ведущим в общественных дискуссиях, временами уходящее в неакцентируемое, подспудное ощущение — что у нее особый путь, особое предназначение, божественная миссия. Речь идет о рассуждениях об особой духовности русского народа, миссии "третьего Рима", особой евразийской функции — быть связующим звеном между цивилизациями европейского и американского Запада и азиатского Востока. При всей, казалось бы, абстрактности, элитарности этих рассуждений они распространены и в массовом сознании. По данным разных опросов, последние 10 лет большинство (например, 77%, по данным АРПИ в октябре 1999 г.) считает, что "Россия — особая страна, поэтому главное для нее — найти свой путь". По этой логике, нам не обязательно во всем догонять Запад, у нас свои оценки величия. В том же году 76%, по данным РОМИР-мониторинг, выразили уверенность, что "России нужен 'свой путь', самобытное развитие", 18% заявили, что "мы должны идти путем стран западной демократии"; и только 2% — что "мы должны идти путем развития стран Азии" (вот откуда корни рассуждений о "суверенной демократии"). Российская "особость" прослеживается в разных замерах общественных настроений, однако проследить черты этой "особости" не удается, в основном это декларативные суждения, свойственные и советскому мышлению: "У советских собственная гордость — на буржуев смотрим свысока".

Если мы такая особенная, ни на кого не похожая страна, следует ли нам брать с кого-либо пример в своем развитии? Лишь 16% россиян считают, что нам есть чему поучиться в экономическом развитии у США, 12% — у Германии.

Но все же люди постоянно прикидывают, как мы смотримся в мире, каковы наш вес и влияние. И здесь ощущение имперского величия часто входит в противоречие с национальным комплексом неполноценности. Жители России полагают, что наше влияние в мире велико, хотя и меньше того, что мы заслуживаем. В 2004 г., по данным РОМИР-мониторинг, 13% опрошенных считали, что наша страна играет "очень влиятельную роль" (хотя это, очевидно, не уровень влияния "сверхдержавы"), 49% — что она играет "скорее влиятельную роль, чем нет", 28% назвали роль России "скорее не влиятельной" и 8% — "совсем не влиятельной".

По данным опроса ВЦИОМ в январе 2007 г., Францию считали "великой державой" 13% россиян, Великобританию — 21%, Китай — 23%, Евросоюз — 24%, Германию — 25%, Японию — 27%. На первое место 61% респондентов ставят США. Свою страну сочли "великой державой" лишь 12% опрошенных. Т.е., по мнению народа, мы в хвосте борьбы за величие.

О массовых представлениях относительно международного веса России и ее экономического потенциала свидетельствуют суждения о том, какая страна "станет через 20 лет ведущей мировой державой", высказанные в октябре 2005 г. в рамках совместного исследования "Мониторинг Евразия", в котором участвовали 7 стран бывшего социалистического лагеря. Жители России в равной мере оценили шансы России и США стать через 20 лет "ведущей мировой державой" — по 21%. Для сравнения в таблице 1 приводятся оценки респондентов и других стран-участников исследования.

Приведенные данные весьма симптоматичны. Они отражают не столько прогноз экономического потенциала стран и союзов, основанный на выкладках статистики и экономики, каковыми рядовые люди не обладают, сколько сегодняшний имидж этих стран в массовом сознании, оценку их веса в мире и потенциала в будущем. Из таких представлений и складываются отношения к странам — вряд ли кто будет с особым уважением относиться к стране, у которой мало шансов пробиться в мировые лидеры. В этой связи показательны невысокие оценки потенциального величия России украинцев и молдаван. И уж совсем ни во что нас не ставят китайцы — лишь 2% дают нам шансы стать супердержавой через два десятилетия. Между тем 14% россиян назвали Китай третьей в соревновании за статус мировой державы через 20 лет.

Таковы мнения наших ближайших соседей. А вот данные опроса жителей ведущих арабских стран, чью любовь мы пытаемся заполучить последние полве-

Таблица 1.

Ответы на вопрос: «Какая страна, по Вашему мнению, станет через 20 лет ведущей мировой державой?», %

	Оценка жителей стран						
	Армения	Болгария	Киргизия	Китай	Молдова	Россия	Украина
Европейский союз	19	20	13	13	30	7	28
США	34	18	19	34	22	21	16
Россия	25	6	32	2	6	21	12
Китай	6	9	15	38	9	14	7
Япония	4	5	12	2	8	8	5
Другая	2	1	2	1	1	9	6
Затруднились ответить	10	41	7	10	24	20	26

ка (Brooking Institute, январь 2007 г.). В опросе выяснялось, кого арабы предпочли бы видеть в качестве единственной мировой сверхдержавы. Больше всего голосов — 19% — получила Франция, Китай назвали 16%, Пакистан — 14%, Германию — 10%, США — 8%, Россию — 7%, Великобританию — 6% респондентов. Если бы пришлось сменить место жительства, то 33% опрошенных предпочли бы жить во Франции (что они и делают), 19% — в Германии, по 9% — в США и Великобритании, 7% — в Китае, 6% — в Пакистане и 4% — в России. Сходным образом распределились ответы на вопрос о том, куда отправить своих детей учиться. Францию выбрали 35%, Германию — 20%, Россию — 3% респондентов.

За последние 5–6 лет в российском массовом сознании сформировалось представление, что Россия "встает с колен", возвращает утраченную силу и мировой авторитет, что с ней считаются ведущие страны мира, в том числе члены "Большой восьмерки", включающей теперь и нашу страну. Это проявилось в массовых оценках роли России в "Большой восьмерке", на встрече в Санкт-Петербурге в июне 2006 г. Тогда 36% россиян сочли, что Россия является полноправным членом "восьмерки", хотя столько же — не разделяли этого мнения.

Из результатов опросов (табл. 2) можно заключить, что "имперский синдром" остается важным для почти половины населения, если включать в него и идею доминирования на постсоветском пространстве. У другой половины амбиции скромнее — добиться включения на равных в "Большую восьмерку" или в "десятку" передовых стран мира. В то же время ответы на другой вопрос показывают, что надежды на возвращение статуса "великой державы" у большей части населения остаются (табл. 3).

Сдвиг в оценке того, станет ли Россия в обозримом будущем "великой державой", в значительной степени обусловлен изменениями представлений о том, что означает стать "великой державой". Все больше людей, в основном молодежь, величие страны связывают с тем, как живет людям в своей стране, а не с тем, какое влияние она оказывает на мировые события (табл. 4).

При пересчете результатов на оценку главного фактора величия державы по всему населению получается все же, что силовой подход к величию демонстрируют больше половины населения — 52%, которые главными чертами "великой

Таблица 2.

Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, к каким целям должна стремиться Россия в XXI веке?», %

	Октябрь 2003 г.	Июль 2005 г.	Январь 2007 г.
Вернуть статус супердержавы, какой был у СССР	34	34	34
Быть одной из 10–15 экономически развитых и политически влиятельных стран мира	35	38	47
Добиться лидерства на постсоветском пространстве	16	14	9
Не следует стремиться ни к каким глобальным целям	7	7	5
Затрудняюсь ответить	8	7	5

Таблица 3.

Ответы на вопрос: «Сможет ли Россия в ближайшие 15–20 лет стать великой державой?», %

	Октябрь 2003 г.	Июль 2005 г.	Январь 2007 г.
Скорее всего, станет	40	33	46
Скорее всего, нет	36	41	31
Россия и сейчас остается великой державой	12	13	12
Затрудняюсь ответить	12	13	11

Таблица 4.

Ответы на вопрос: «Чего должна добиться Россия, чтобы считаться великой державой?»
(до двух ответов), %

Иметь развитую современную экономику	55
Обеспечить высокий уровень благосостояния граждан	36
Иметь мощные Вооруженные силы	24
Развивать науку, внедрять высокие технологии	20
Возродить высокий уровень русской культуры и национального духа	10
Получить контроль над территориями, ранее входившими в состав России и СССР	7
Соблюдать нормы демократии и прав человека, принятые в цивилизованном мире	7
Стать мировым центром влияния, способным регулировать международные конфликты	6
Стать "цивилизационным" мостом между Европой и Азией, между развитыми странами и "третьим миром"	5
Стать ведущим государством в области энергетики	4
Затрудняюсь ответить	4

державы" называют развитую экономику, военную мощь, контроль над территориями бывшего СССР, возможность влиять на мировую обстановку и лидерство в энергетике. Высокий уровень благосостояния и соблюдение норм демократии и прав человека считают определяющими для величия державы лишь 24%. Тем не менее — это новая черта массовых настроений россиян: большая часть населения моложе 40 лет предпочитает, чтобы нас считали великой, богатой страной на том основании, что люди в ней живут зажиточно, комфортно. Другая, старшая половина населения, вместе с идеологами патриотического величия полагает, что "государство важнее этноса", стала бы страна снова великой, а народ потерпит. Но и среди молодых когорт сохраняется врожденная, наследственная тяга к величию державы.

Исходя из этих настроений, в большей или меньшей степени присущих различным слоям общества, и следует рассматривать противоречивые отношения россиян к желаемым и возможным путям реинтеграции на территории постсоветского пространства.

Новое объединение

Если значительное и неумещающееся большинство населения России сожалеет о распаде Советского Союза, возможно, они хотели бы его воссоздания в том или ином виде? Результаты опросов, и, в частности, последней волны "Евразийского монитора" осенью 2006 г., показывают противоречивые настроения по этому поводу как россиян, так и граждан соседних республик. С одной стороны, при самой общей постановке вопроса об "объединении бывших союзных республик в новый союз", например, в гипотетическом референдуме на эту тему 51% россиян проголосовали бы за такое объединение, 22% проголосовали бы "против" и 27% не стали бы участвовать в референдуме или затруднились сделать выбор. Сходные результаты на Украине: 45% — "за", 25% — "против". Меньше всего сторонников нового союза в Белоруссии — 36% — "за" и 32% — "против". Это подрывает распространенный миф о том, что белорусы "рвутся с кем-либо слиться". В то же время оценки реальности объединения в новый союз весьма низки. В России лишь 23% считают возможным "воссоздание единого союза бывших республик СССР" и 68% — невозможным. На Украине соотношение 18% и 71%, в Белоруссии — 13% и 76%.

Общее пожелание новой интеграции, восстановления в какой-либо форме союзного государства является скорее декларацией, несбыточной мечтой — ведь

Таблица 5.

Ответы на вопрос: «В какой стране или объединении стран Вы хотели бы жить?», %

	Россия	Украина	Белоруссия	Казахстан
В своей собственной стране без объединения с какой-либо иной страной и без вхождения в союзы государств	30	21	25	25
Во вновь объединенном СССР	20	10	8	11
В Содружестве Независимых Государств — СНГ	11	7	8	15
В объединенном союзе России, Украины, Белоруссии и Казахстана	21	34	32	23
В объединенной Европе (Европейском союзе)	14	21	18	15
Затрудились ответить	4	7	9	11

оценка реальности создания союза вдвое ниже пожеланий его создания. По иному сформулированные вопросы показывают растущее сопротивление россиян любым формам интеграции и предпочтение самостоятельного развития как суверенной страны. В России, отвечая на вопрос: "В какой стране или объединении стран Вы хотели бы жить?", 30% респондентов выбрали вариант "в своей собственной стране без объединения с какой-либо иной страной и без вхождения в союзы государств". Примерно одинакова доля тех, кто ответил: "в объединенном союзе России, Украины, Белоруссии и Казахстана" — 21%, и "во вновь объединенном СССР" — 20%. 14% респондентов предпочли бы жить в объединенной Европе (Европейском союзе) и лишь 11% выбрали Содружество Независимых Государств — СНГ. В таблице 5 приведено сравнение ответов для четырех стран — России, Украины, Белоруссии и Казахстана.

Отвечая на вопросы о вариантах объединения на постсоветском пространстве, россияне подсознательно взвешивают: а что это объединение даст нам, простым людям, как это повлияет на возвращение нашей стране статуса "великой державы". Сегодня относительное большинство (30%) считают, что величия нам проще достичь самостоятельно, ни с кем не объединяясь, — присоединение более слабых соседей лишь создаст новые проблемы. Пожелание воссоздать СССР выражают в России больше респондентов, чем в соседних республиках. Это тоже путь к былому величию, поскольку, скорее всего, в нем, как и раньше, будет доминировать Россия, восстанавливая тем самым статус сверхдержавы. В "союзе четырех", который выбрала пятая часть россиян, также неминуема ведущая роль России, однако поддержка этого союза в нашей стране ниже, чем в других странах "четверки", — видимо, россиянам не очень импонирует роль "паровоза". Членство в ЕС и СНГ привлекает еще меньше россиян.

В российском массовом сознании по-прежнему сильны представления о своей стране как великой державе, входящей в узкий круг государств, определяющих мировую политику. Две трети населения верят, что величие страны будет достигнуто через 15–20 лет, когда Россия наравне с Америкой станет "ведущей мировой державой". Через призму этих ожиданий и следует рассматривать сегодняшние интеграционистские настроения.

15 years ago the Soviet Union fell apart. For many this is still considered to be the greatest national tragedy. People are split in their assessments, whether the collapse of the Union was inevitable or it could be avoided, and was it good or bad for the country in the final count. The author shows that public nostalgia for the lost status of great power is the most important sentiment in people's regrets for the departed union. Ways to possible re-unification on the post-soviet area, in public minds, are also analysed.